

УДК 323.1(470.43)"17/19"
ББК 63.3(235.4)—38

Научная статья

**РУССКИЕ И ЧУВАШИ:
ОПЫТ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
В САМАРСКОМ ЗАВОЛЖЬЕ В XVIII — XX ВЕКАХ**

Е. А. Ягафова

Самарский государственный социально-педагогический университет,
г. Самара, Россия
yagafova@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрены модели межэтнических взаимодействий русских и чувашей в Самарском Заволжье в исторической ретроспективе (с XVIII в.) и в настоящее время, определены факторы устойчивости / изменчивости этнических границ, формирования этнокультурной специфики групп и идентичности их членов. Изучены межэтнические контакты в этнически смешанных — русско-чувашских — селениях Самарской области: с. Семеновка Кинель-Черкасского, с. Ново-Геранькино Борского, с. Русская Васильевка Кошкинского, с. Девлезеркино Челно-Вершинского районов. Источниковую базу составили архивные, опубликованные и полевые материалы автора.

Исследование показало, что опыт взаимодействия чувашей и русских в Самарском Заволжье имеет длительный характер, формировался с началом расселения этнических групп в регионе. Результатом взаимодействия на разных этапах и в зависимости от конкретной ситуации стали интеграция, аккультурация, языковая и этническая ассимиляция (обрусение, «чувашизация»). Разрушение этнических границ происходило вследствие формирования единого социокультурного пространства контактирующих групп, основанного на общности производственных интересов, социальных институтов, конфессиональной принадлежности, русского языка как средства межэтнической коммуникации.

Ключевые слова: межэтнические взаимодействия, Самарское Заволжье, русские, чуваш

Для цитирования: Ягафова Е. А. Русские и чуваш: опыт межэтнического взаимодействия в Самарском Заволжье в XVIII — XX веках // Современная гуманитаристика. 2025. Т. 1. № 2. С. 65 — 74

© Ягафова Е. А., 2025

Scientific article

**THE RUSSIANS AND CHUVASH:
INTERETHNIC INTERACTION EXPERIENCE
IN THE SAMARA TRANS-VOLGA
REGION IN 18th — 20th CENTURIES**

E. A. Yagafova

Samara State University of Social Sciences and Education,
Samara, Russia
yagafova@yandex.ru

Abstract. The article examines the models of interethnic interactions between the Russians and Chuvash in the Samara Trans-Volga region in historical retrospect (since 18th century) and at present. The factors of stability/variability of ethnic boundaries, ethnocultural specificity formation of groups and the identity of its members have been identified. The interethnic contacts in ethnically mixed, the Russian-Chuvash villages of the Samara region have been studied. These villages include: the village of Semenovka in the Kinel-Cherkassky, the village

of Novo-Gerankino in the Borsky, the village of Russkaya Vasilyevka in the Koshkinsky, and the village of Devlezerkino in the Chelno-Vershinsky districts. The material contains both archival documents and the author's published and field materials.

The experience of interaction between the Chuvash and Russians in the Samara Trans-Volga region is shown to be long-term. It was formed with the beginning of ethnic groups' settlement in the region, and it is determined by both the duration and the numerical ratio of ethnic groups. The interaction at different stages and depending on the specific situation resulted in integration, acculturation, linguistic and ethnic assimilation. The breakage of ethnic boundaries occurred due to the formation of a single socio-cultural space of contacting groups, based on common production interests, social institutions, religious affiliation, the Russian language as a means of interethnic communication.

Keywords: interethnic interactions, the Russians, the Samara Trans-Volga region, the Chuvash

For citation: Yagafova E. A. The Russians and Chuvash: interethnic interaction experience in the Samara Trans-Volga region in 18th — 20th centuries // Modern humanities. 2025;1(2):65 — 74

Аслăлăх статйи

ВЫРĂСЕМПЕ ЧĂВАШСЕМ: XVIII — XX ЁМЁРСЕНЧЕ САМАР АТĂЛ ЛЕШ ЕНЧЕ ЭТНОССЕМ ПЁР-ПЁРИНПЕ СЫХĂНСА ПУРĂННИН ОПЫЧЁ

Е. А. Ягафова

Самар патшалăх социопедагогика университетĕ,
Самар хули, Раçсей
yagafova@yandex.ru

Аннотаци. Статъяра Самар Атăл леш енчи вырăсемпе чăвашсен этнос сыхăнăвĕсен истори ретроспективинчи (XVIII ёмёртен пуçласа) тата хальхи вăхăтри моделĕсене пăхса тухнă, этносен чиккисен сирĕплĕхĕн / улшăнăвĕн, ушкăнсен этнокультура хай евĕрлĕхĕпе сынсен пĕрешкеллĕхĕ йĕркеленнин факторĕсене палăртнă. Этносем пĕрле пурăнакан тăрăхри — Борски районĕнчи Илмĕрсел, Кушкă районĕнчи Ваçлавкка, Чаллăпуç районĕнчи Тилечер ялĕсенчи — тĕрлĕ халăх сыннисен хутшăнăвĕсене тĕпченĕ. Çалкуçсен никĕсенче — архив материалĕсем, авторăн пичетленсе тухнă ёçĕсем тата вăл пуçтарнă материалсем.

Тĕпчев çакна кăгартса парать: Самар Атăл леш енчи чăвашсемпе вырăсем пĕр-пĕринпе сыхăнса пурăннин опычĕн сул-йĕрĕ вăрăм, вăл региона тĕрлĕ этносен ушкăнĕсем килсе вырнаçнăранпах йĕркеленме пуçланă. Тĕрлĕ тапхăрти хутшăнусене тата пайăр лару-тăрăва кура кĕретленĕ пулăмсем: интеграци, аккультураци, чĕлхепе этнос ассимиляцийĕ (вырăслану, «чăвашлану»). Хутшăнса пурăнакан ушкăнсен пĕрлехи социокультура талкăшĕ тытăмланны, унăн никĕсенче — производство интересĕсен, социоинститутсен, пĕр конфессиире тăнин пĕр пĕтĕмлĕхĕ, этноссем пĕр-пĕринпе хутшăнмалли хатĕр пулса тăнă вырăс чĕлхи.

Тĕп сăмахсем: этноссем пĕр-пĕринпе хутшăнса пурăнни, Самар Атăл леш енĕ, вырăсем, чăвашсем

Цитатăлама: Ягафова Е. А. Вырăсемпе чăвашсем: XVIII — XX ёмёрсенче Самар Атăл леш енче этноссем пĕр-пĕринпе сыхăнса пурăннин опычĕ // Хальхи гуманитаристика. 2025. 1 т. 2 №. С. 65 — 74

Введение

Самарское Заволжье исторически складывалось как многонациональный регион. Специфику расселения народов в нем составляли полиэтничные селения, в которых происходили интенсивные контакты между народами. Русско-чувашское взаимодействие в крае актуализировалось в середине XIX в. Более

40 % этнически смешанных селений с участием чувашей приходилось на чувашско-русские села и деревни¹. В конце XIX в. чуваша проживали с русскими в 59 селениях, в большинстве — двунациональных (48) и православных (43). В отдельных случаях чуваша и русские соседствовали также с мордвой (8), татарами (2) или с обеими группами (1) [9]. Этническому разнообразию сопутствовала также конфессиональная разобщенность жителей (старообрядцы, мусульмане, язычники), что осложняло межкультурное взаимодействие в смешанных селениях. Рост числа чувашско-русских селений во второй половине XIX в. произошел вследствие увеличения численности и доли (до 65 %) русских в общей массе населения Самарской губернии, а также отмены крепостного права, повлекшего переселение бывших русских крепостных крестьян в чувашские села и деревни.

Следует отметить, что тенденция к созданию русско-нерусских селений была характерна и для других народов региона, в частности мордвы. Именно русские, по наблюдению австрийского ученого А. Каппелера, становились соседями по селению или общине чувашских, мордовских крестьян, нежели последние между собой. Данный феномен А. Каппелер и другие исследователи объясняют особой психологической установкой русского населения: его «готовностью селиться с другими народами», т. е. относительно высокой географической мобильностью, коммуникабельностью и способностью достаточно легко приспосабливаться к окружающей среде, в отличие от нерусских народов, обитавших, несмотря на специфику расселения, в замкнутом мире своей культуры [17]. В связи с этим возникает интерес к особенностям межэтнических контактов русских с нерусскими соседями на микроуровне, т. е. к ситуациям в конкретных смешанных селениях, анализ которых позволил бы выявить механизмы и типологические особенности русско-нерусского взаимодействия в Самарском Заволжье, в данном случае — русско-чувашского межкультурного пограничья. Исторический опыт межэтнических отношений в Самарской области актуален для определения адаптивных возможностей поликультурной среды региона, пути интеграции / аккультурации в нее мигрантских сообществ.

Материалы и методы

Методологические подходы исследования основаны на концепции «этнических границ» Ф. Барта. Этнические границы формируются в процессе взаимодействия контактирующих групп как следствие их «самокатегоризации или категоризации другими» и необходимости постоянно выражать и подтверждать этническую идентичность посредством социальных и культурных различий (язык, обычаи, этикет, системы ценностей и т. д.) [14, с. 16, 172]. Таким образом, характеристика этнических границ связана с определением культурных дистанций между этническими группами [13, с. 110], что, в свою очередь, возможно через выявление эмпирических характеристик этнических границ между контактирующими группами. Подобный подход был применен при изучении этнически смешанных селений в различных регионах Урало-Поволжья Е. С. Данилко [1], А. Д. Коростелевым [2 — 5], Е. В. Поповой [4 — 6], Р. Р. Садиковым [4; 5; 7], Е. А. Ягафовой [4; 5; 15; 16].

В статье рассмотрены модели межэтнических взаимодействий русских и чувашей в указанный период, раскрыты их механизмы, а также определены факторы устойчивости / изменчивости этнических границ, формирования этнокультур-

¹ Научный архив РАН. Ф. 30. Оп. 2. Д. 51.

ной специфики групп и идентичности ее членов. Объектами исследования стали этнически смешанные селения Самарской области, в которых чувашаи и русские соседствовали исторически — с. Семеновка Кинель-Черкасского района, с. Ново-Геранькино Борского района, с. Русская Васильевка Кошкинского района, с. Девлезеркино Челно-Вершинского района. Анализ межэтнических контактов в них позволил выявить разные типологические модели. Источниковую базу исследования составили архивные, опубликованные и полевые материалы автора².

Результаты исследования и их обсуждение

Куда делись чувашаи? Модель полной ассимиляции

Село Семеновка (Сарбайка) Бугурусланского уезда Оренбургской (затем — Самарской) губернии было основано чувашами и мордвой в середине XVIII в. К концу века (1795) здесь проживали 280 чувашей и 34 мордвы³. Таким образом, селение состояло почти на 90 % из чувашей, однако уже к VI ревизии (1811) они почти сравнялись по количеству душ мужского пола (д. м. п.) с мордвой: 109 и 102 соответственно⁴. В 1812 г. мордовское население пополнилось еще на 124 д. м. п.⁵, и с этого времени в Семеновке стало численно преобладать мордовское население. В середине XIX в. в селе появились русские крестьяне, численность которых достигла к 1875 г. 992 чел., в то время как мордвы насчитывалось 547 чел., а чувашей — 337 чел.⁶ В результате менее чем за столетие этническая картина Семеновки в корне изменилась — чувашаи составляли в ней этническое меньшинство — около 17 %. К 1900 г. доля чувашей сократилась почти вдвое — до 9 % (194 чел.), в то время как удельный вес русских увеличился за четверть века с 49 % до 62 %⁷. В настоящее время чувашское население в Семеновке отсутствует. Последние чувашаи ушли из жизни в конце XX в. Но память о чувашах сохранилась в топонимике, в названии одного из концов селений — «Чувашский конец», «Чувашское кладбище», в лексике русских жителей (*мазарка* — кладбище)⁸.

Исчезновение в Семеновке чувашского населения связано, вероятно, с их ассимиляцией вследствие межэтнических браков с русскими и мордвой. Подобное явление наблюдается среди мордвы — часть жителей, считающих себя сегодня русскими, имеет во втором и третьем поколении предков мордву. По полевым данным, смена этнической идентичности с мордовской (эрзянской) на русскую произошла не позже начала XX в., при этом эрзянский язык продолжал функционировать на бытовом уровне в первой половине XX в. Сегодня им владеет немногочисленное старшее поколение, проживающее в мордовском «конце» села. В культуре местных русских сохранились элементы культуры мордовского происхождения: *моляны* — праздники по окончании работ, обычай празднования Троицы (обход селения с березовыми венками, «весну провожали») ⁹.

Похожая ситуация складывалась в с. Ново-Геранькино Бузулукского уезда Оренбургской (Самарской) губернии. Селение было основано в 1770 г. ясачными

² Полевые материалы автора (ПМА). Самарская обл., 1997 (Кошкинский р-н, с. Старое Тенеево и пос. Новое Тенеево); 2008 (Кошкинский р-н, с. Русская Васильевка); 2019 (г. Самара); 2020 (Кинель-Черкасский р-н, с. Семеновка; Челно-Вершинский р-н, с. Девлезеркино).

³ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1877.

⁴ Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 98. Оп. 2. Д. 20.

⁵ ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 7850.

⁶ Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 32. Оп. 15. Д. 121.

⁷ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 15. Д. 236.

⁸ ПМА, 2020. Самарская обл., Кинель-Черкасский р-н, с. Семеновка.

⁹ Там же.

чувашами, переселившимися из Чебоксарского и Ядринского уездов Казанской губернии. Несмотря на то, что в документах они числились «новокрещенами», родовые языческие имена сохраняли до начала XIX в.¹⁰ Для укрепления новокрещен в вере в 1783 г. была возведена церковь. Ее строительство и сосуществование в едином приходе с жителями соседнего русского сельца Неклюдовки сыграло ключевую роль в приобщении чувашей не только к православию, но и к русскому языку и культуре. В начале 1830-х гг. в Ново-Геранькино переселились русские однодворцы из Моршанского уезда Тамбовской губернии, и численность обеих этнических групп почти сравнялась: 373 чувашей и 325 русских¹¹. Чувашаи и русские жили в разных концах селения, были разделены рекой Чувайкой, хоронили их на одном кладбище, но в разных концах, что поддерживало этнокультурную обособленность групп. Тем не менее контакты происходили в общественных местах, расположенных в русской части селения, и нередко приводили к конфликтам, в том числе на языковой почве: общение чувашей на своем языке не нравилось русским¹².

В настоящее время в селении проживают обрусевшие потомки чувашей. На их чувашское происхождение указывают особенности местного говора: ударение на последнем слоге (*ВолодЯ, нанИ* и т. д.). В селе сохранились воспоминания о проведении в 1970-х гг. чувашами концертов и спектаклей на чувашском языке, на которые ходили и русские жители, хотя и не понимали чувашского языка¹³.

Пример с. Ново-Геранькино демонстрирует модель продолжающейся ассимиляции (русификации) чувашей, завершение процесса — дело времени.

Чуваши и русские в межкультурном пограничье

Деревня Васильевка («Красноречье тож») была основана в конце XVIII в., и по данным пятой ревизии (1795) в ней проживало 190 русских и 149 чувашей¹⁴. Число дворов обеих этнических групп было равным — по 37¹⁵, и они располагались на левобережье р. Красной, разделяющей сегодня Васильевку на «русскую» и «чувашскую» половины. Вероятно, формирование Чувашской Васильевки было связано с отселением чувашей на правый берег реки, т. е. с территориальным обособлением. Последнее могло быть вызвано разделением прежде социально однородного крестьянского сообщества (и русские, и чувашаи принадлежали к казенному ведомству) на коронных (удельных) и казенных. К первым были отнесены русские, ко вторым — чувашаи. Аналогичное деление наблюдалось в соседней д. Тенеево: русских и чувашей разделяла принадлежность к разным категориям крестьянства¹⁶ и р. Кондурча, по обе стороны которой впоследствии выросли с. Старое Тенеево (русское) и пос. Новое Тенеево (чувашское). Кроме того, русские и чувашаи имели свои кладбища¹⁷.

В середине XIX в. население состояло из русских (824 чел.) и чувашей (365 чел.)¹⁸. В конце XIX — начале XX в. Васильевка значилась как русско-чувашское село [8; 10], но в 1920 — 1930-х гг. Чувашская Васильевка вновь была

¹⁰ ГАОО. Ф. 98. Оп. 2. Д. 3; Оп. 3. Д. 15.

¹¹ ЦГАСО. Ф. 150. Оп. 1. Д. 13, 14.

¹² ПМА, 2019. Самара (информант Н. Труфанов).

¹³ Там же.

¹⁴ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. ВУА. Д. 19022. Л. 12.

¹⁵ РГАДА. Ф. 1336. Оп. 2. Ч. 2. Д. 4045.

¹⁶ РГАДА. Ф. 1336. Оп. 2. Ч. 2. Д. 4034.

¹⁷ ПМА, 1997. Самарская область, Кошкинский район, с. Старое Тенеево и пос. Новое Тенеево.

¹⁸ Научный архив Российской академии наук (НА РАН). Ф. 30. Оп. 2. Д. 54.

выделена как моноэтническое чувашское селение [11]. В настоящее время Русская Васильевка объединяет Чувашскую Васильевку и русские поселки Русская и Средняя Васильевка, Морозовка и Глотовка. По переписи 2002 г. 54 % населения составляли чувашаи, 42 % — русские¹⁹.

Отношения между чувашами и русскими складывались «без различий в общении», «без розни» благодаря совместной работе в объединенном после Великой Отечественной войны колхозе и досугу. Русские «приходили, в уяве участвовали, приходили смотреть», но чувашским языком, за редким исключением, не владели. Однако случались и конфликты — драки молодежи «из-за невест». Причиной вражды были и взаимные негативные этнические стереотипы: так, чувашаи считали русских высокомерными и ленивыми (себя — трудолюбивыми), а русские обзывали чувашей «пыркӑ», «слепой чувашин»²⁰.

Существенным фактором этнической ассимиляции стали смешанные браки, практиковавшиеся здесь на памяти даже самых старых жителей селения. На них в 2008 г. приходилась почти четверть (23,2 %) всех брачных пар. Это послужило основной причиной смешения элементов свадебной обрядности — поиск невесты (*хёр шырама*) на второй день свадьбы стал «чувашским обычаем». Традиционный фольклор также вытеснен русскими песнями из репертуара, например, Н. Кадышевой, хотя жители охотно слушают в записи и чувашскую эстраду. Народные праздники (Масленица и др.) превращены благодаря «сборным сценариям» в интернациональные развлекательные мероприятия. Популярными и актуальными событиями в жизни васильевцев являются скорее не национальные, а «вненациональные» праздники: День села, День улицы, а также Радуница, Пасха и другие даты православного календаря.

Русская Васильевка представляет собой пример опережающей ассимиляции самарских чувашей, которая прослеживается в приоритете русского языка не только в официальной сфере, но и в быту, даже в моноэтнических чувашских семьях. Вероятно, именно соседство в совокупности с православием выступили интегрирующим фактором культурной жизни русской и чувашской половин населения Русской Васильевки. Вместе с тем этнически группы сохраняют культурную специфику, указывающую на существование «этнических границ». Сохраняется принцип территориального разделения на чувашский и русский концы (хотя он соблюдается уже не столь жестко, как раньше), который повторяется в устройстве кладбища. При подавляющем сходстве обрядов и обычаев местные жители указывают на различия. Так, чувашаи отмечают как «свои» проведение поминального молебна на чувашском языке (даже у русских в случае приглашения!), приготовление национальных блюд *шӑрттан* (колбаса из овечьего желудка и мясной начинки), *турӑх* (кисломолочный продукт), *кӳптӑрме* (лепешки), *салма* (домашняя лапша; варят и русские), *хуплу* (пирог с начинкой из мяса, картофеля и крупы), проведение Семика (особенно мытье в бане накануне обряда), проводы *Уяв*. Отличительные особенности русских традиций чувашаи видят в проведении поминальной трапезы, в поминовении на сороковой день и др. обычаях. Русские со своей стороны также выделяют «свои» и чувашские элементы: смотрины дома (отсутствует у чувашей), роль дружки-распорядителя (у чувашей — крестные); в поминальной обрядности —

¹⁹ ПМА, 2008. Самарская область, Кошкинский район, с. Русская Васильевка.

²⁰ Там же.

обычай на сороковой день выливать воду, предназначенную для покойного, в передний угол избы и др.²¹

Таким образом, межэтнические отношения в с. Русская Васильевка Кошкинского района — один из ярких примеров формирования межкультурного пограничья в ситуации длительного и тесного соседства численно и социокультурно доминирующего русского большинства и чувашей как этнического меньшинства, постепенно утрачивающего значимые параметры этничности (язык, особенности материального быта и религиозно-обрядовой культуры, наконец, самосознание).

Русские в чувашском селе: модель «чувашизации» русских

Село Девлезеркино Бугульминского уезда Самарской губернии оставалось мононациональным до середины XIX в.²² Однако уже в 1870 г. здесь проживало 95 чел. русских (7 % от общей численности населения), переселившихся после отмены крепостного права из соседних сел Самарского уезда (Зубовки и др.) [12]. С этого времени Девлезеркино становится двунациональным селением, в котором чувашаи по-прежнему составляли большинство. Русские селились в южном «конце» села, который по этой причине получил название «русской улицы» — *Вырӑс касси*. Всего в селе насчитывалось около десятка «русских» семей, вместе с которыми на этой улице проживало несколько и чувашских²³.

До середины XX в. русские, как правило, заключали браки с русскими своего же села, а также с русскими жителями соседних сел и деревень: с. Петровское, с. Старое Эштебенькино, с. Челно-Вершины, д. Полянский Редут, Шентала, Токмакла и др. Причиной этнической замкнутости в семейно-брачной сфере были культурно-языковые различия, отчасти территориальная разобщенность русского и чувашского населения Девлезеркино и брачные установки на предпочтительные моноэтнические браки. И чувашаи, и русские старались формировать близкий круг общения (родственников, кумовьев) из представителей своего народа.

С 1950-х гг. русские начинают вступать в браки с местными чувашами. Воспитанные в интернациональной атмосфере советской школы и тесно общаясь на производстве (в колхозе), во время досуга (клуб, посиделки, уличные гуляния), молодые люди чаще руководствовались чувствами и личными симпатиями и мало обращали внимания на этнические различия, которые, тем не менее, сказывались на процессе адаптации русских жен к чувашским родственникам мужа. Несмотря на то, что русские поголовно понимали, а большинство владели чувашским разговорным языком, все же лексика, связанная с отдельными сторонами домашнего быта чувашей, была недостаточно им знакома. Чувашаи владели русским гораздо хуже, а старшее поколение женщин почти до конца XX в. вовсе не знала русского. В этих условиях общение русских невесток со свекровьями-чувашками было затруднено. В отсутствие навыков постоянного общения на чувашском невесткам приходилось преодолевать языковой барьер («*еле-еле начала разговаривать*», «*со свекровью через свекра разговаривала, он переводил с чувашского на русский и обратно*») и осваивать тонкости языка и бытовой культуры чувашей²⁴.

Длительные и разнообразные (производственные, соседские, дружеские, а впоследствии и брачные) контакты русских с чувашами способствовали их адаптации как этнического меньшинства к условиям среды — в первую очередь

²¹ Там же.

²² НА РАН. Ф. 30. Оп. 2. Д. 51. Л. 78; РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Ч. II. Д. 3353.

²³ ПМА, 2020. Самарская обл., Челно-Вершинский р-н, с. Девлезеркино.

²⁴ Там же.

овладению чувашским языком как необходимым средством коммуникации с большинством населения. При этом уровень знаний мужчин, вовлеченных в общественную сферу, был выше, чем женщин, в основном домохозяйек. Поколение русских, родившееся на рубеже XIX — XX вв. и в XX в., владело чувашским как родным. Чувашский язык русские осваивали в детстве благодаря общению с чувашскими сверстниками. Оба языка для местных русских были равноценны, что исключало необходимость их жесткого разграничения в речи и порождало «двуязычные» фразы, служившие поводом для насмешек со стороны местных чувашей: «*Пёр вёсёнче просяная солома, тепёр вёсёнче вир улъм*» (С одного конца просяная солома, с другого конца — просяная солома). Русский язык остается основным языком общения в русских семьях и в кругу родственников, тем более что в большинстве случаев дети из смешанных семей вступили в браки с русскими, но при этом для обсуждения деликатных вопросов со своими родителями они используют чувашский: «*Чувашский язык у нас для секретов*». Вместе с тем статус чувашского языка оценивается русскими ниже, чем русского.

Сходство образа жизни, бытовые контакты, модернизация культуры в XX в. оказали нивелирующее влияние на материальный быт чувашей и русских в Девлезеркино. Вместе с тем сохранялись и различия, например, в одежде: старшее поколение чувашек до конца XX в. носили свои наряды — рубахи, передники (*чăваш кĕти*), а русские женщины одевались в юбки с кофтой (*майралла*). Сохранялись особенности в пище чувашей, которые проникли и к русским. В современной кухне чувашские блюда присутствуют в русских и смешанных семьях: «Все делаем, знаем: *улма çўхи, тăпăрчă çўхи*²⁵, делаем *хуплу*²⁶, мы его называем курник». «*Шăрттан* тоже делаем. Это ведь по-чувашски *шăрттан*, а по-русски *ширтан*».

Общение с детских лет способствовало и освоению русскими чувашских песен; их пели девушки с подругами на молодежных игрищах, а после замужества — на гулянках с родственниками мужа. Знание и понимание чувашской культуры поддерживает интерес к современной эстраде, в целом к информационному пространству на чувашском языке: «*Мы тут все смотрим чувашское телевидение — Чăваш Ен. Нам нравится*»²⁷.

Таким образом, в Девлезеркино сложилась модель аккультурации русских в чувашской этнокультурной среде, своеобразная «чувашизация» при сохранении языковой и этнической идентичности.

Заключение

Опыт взаимодействия чувашей и русских в Самарском Заволжье имеет длительный характер, обусловленный как продолжительностью, так и численным соотношением этнических групп. Результатом взаимодействия на разных этапах и в зависимости от конкретной ситуации стали интеграция, аккультурация, языковая и этническая ассимиляция. Разрушение этнических границ происходило вследствие формирования единого социокультурного пространства контактирующих групп, основанного на общности производственных интересов, социаль-

²⁵ *Улма çўхи* (вариант *улма çўху*) — лепешка из дрожжевого теста диаметром 10 — 15 см, поверх которой укладывается тонкий слой картофельного пюре, выпекается на углях перед огнем печи; *тăпăрчă çўхи* — аналогичное блюдо, но вместо картофельного пюре используется творог.

²⁶ *Хуплу* — закрытый круглый пирог, начиненный мясом, крупой, картофелем, луком и приправами; выпекается в духовой печи.

²⁷ ПМА, 2020. Самарская обл., Челно-Вершинский р-н, с. Девлезеркино.

ных институтов, конфессиональной принадлежности, русского языка как средства межэтнической коммуникации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Данилко Е. С. Татары в этнически смешанных поселениях Урало-Поволжья: особенности межкультурных взаимодействий // *Этнографическое обозрение*. 2010. № 6. С. 54 — 65.
2. Коростелев А. Д. Локальные особенности этнокультурных взаимодействий в Урало-Поволжском регионе // *Русский язык в тюрко-славянских этнокультурных взаимодействиях: сборник статей* / ред. М. Н. Губогло. Москва : ИЭА РАН, 2005. С. 54 — 62.
3. Коростелев А. Д. Межэтнические браки в этнически смешанных селениях Приуралья и Поволжья (по материалам экспедиций 2006, 2007, 2008 гг.) // *Этнографическое обозрение*. 2010. № 6. С. 22 — 34.
4. Мы и как удмурты, и как чувашаи... Взаимная социально-культурная адаптация в этнически смешанных селениях Урало-Поволжья: сборник статей / ред. А. Д. Коростелев. Москва : РУДН, 2007. 198 с.
5. Опыт взаимодействия и взаимной адаптации в этнически смешанных селениях: сборник статей / ред. А. Д. Коростелев. Москва : РУДН, 2009. 221 с.
6. Попова Е. В. Удмурты в этнически смешанных селениях Урало-Поволжья: опыт соседства // *Этнографическое обозрение*. 2010. № 6. С. 66 — 80.
7. Садиков Р. Р. Процессы межконфессионального взаимодействия в этнически смешанных селениях Урало-Поволжья: история и современные тенденции развития // *Этнографическое обозрение*. 2010. № 6. С. 9 — 22.
8. Список населенных мест Самарской губернии по сведениям 1889 г. Самара : Изд-е Сам. губ. стат. комитета, 1890. 297 с.
9. Список населенных мест Самарской губернии, составленный в 1900 году секретарем Сам. губ. стат. комитета И. А. Протопоповым. Изд. неофиц. Самара, 1900. 520 с.
10. Список населенных мест Самарской губернии. Самара : Губ. типография, 1910. 425 с.
11. Список населенных мест Самарской губернии с алфавитным указателем. Составлен по материалам Самарского губстатотдела, согласно последней переписи. Самара : Сагублит, 1928. 245 с.
12. Статистические таблицы Самарской губернии. Отд. I. Состав народонаселения Самарской губернии по племенам. Самар. губ. стат. ком., 1870. 293 с.
13. Тишков В. А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии: монография. Москва : Наука, 2003. 544 с.
14. Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий / отв. ред. Ф. Барт. Москва : Новое издательство, 2006. 200 с.
15. Ягафова Е. А. Чувашаи в межкультурном пограничье Урало-Поволжья // *Этнографическое обозрение*. 2009. № 6. С. 120 — 133.
16. Ягафова Е. А. Чувашаи в межэтническом взаимодействии в Закамье // *Этнографическое обозрение*. 2010. № 6. С. 35 — 53.
17. Kappeler A. Russlands erste Nationalitäten. Das Zarenreich und die Völker der Mittleren Wolga vom 16. bis 19. Jahrhunderts. Köln; Wien; München, 1982. 571 s.

REFERENCES

1. Danilko E. S. The Tatars in ethnically mixed settlements of the Ural-Volga region: features of intercultural interactions // *Ethnographic Review*. 2010(6):54 — 65. (In Russ.)
2. Korostelev A. D. Local features of ethnocultural interactions in the Ural-Volga region // *Russian language in Turkic-Slavic ethnocultural interactions: the collection of articles* / ed. M. N. Guboglo. Moscow; 2005:54 — 62. (In Russ.)
3. Korostelev A. D. Interethnic marriages in ethnically mixed villages of the Urals and Volga regions (the expeditions' materials of 2006, 2007, 2008) // *Ethnographic review*. 2010(6):22 — 34. (In Russ.)
4. We, both the Udmurts and Chuvash... Mutual socio-cultural adaptation in ethnically mixed villages of the Urals-Volga region: the collection of articles / ed. A. D. Korostelev. Moscow: RUDN, 2007. 198 p. (In Russ.)
5. Interaction experience and mutual adaptation in ethnically mixed villages: the collection of articles / ed. A. D. Korostelev. Moscow; 2009:221. (In Russ.)
6. Popova E. V. The Udmurts in ethnically mixed villages of the Ural-Volga region: the experience of neighborhood // *Ethnographic Review*. 2010(6):66 — 80. (In Russ.)
7. Sadikov R. R. Processes of interfaith interaction in ethnically mixed villages of the Ural-Volga region: history and modern development trends // *Ethnographic Review*. 2010(6):9 — 22. (In Russ.)

8. The List of populated areas of the Samara province according to information from 1889. Samara;1890:297. (In Russ.)
9. The List of populated areas of the Samara province, compiled in 1900 by the secretary of the Samars Provincial Statistical Committee. Committee by I. A. Protopopov. Unofficial Publishing. Samara;1900(520). (In Russ.)
10. The List of Populated Areas of Samara Province. Samara;1910(425). (In Russ.)
11. The List of Populated Areas of Samara Province with an Alphabetical Index. Compiled based on materials from the Samara Provincial Statistical Department, according to the latest census. Samara;1928:245. (In Russ.)
12. Statistical Tables of Samara Province. Section I. Population Composition of Samara Province by Tribe. Samara Provincial Statistical Committee;1870(293). (In Russ.)
13. Tishkov V. A. Requiem for an Ethnos: Research in Socio-Cultural Anthropology: Monograph. Moscow;2003(544). (In Russ.)
14. Ethnic groups and boundaries: the social organization of culture difference / ed. F. Barth. Moscow;2006(200). (In Russ.)
15. Yagafova E. A. The Chuvash in the Intercultural Borderland of the Ural-Volga Region // Ethnographic Review. 2009(6):120 — 133. (In Russ.)
16. Yagafova E. A. The Chuvash in Interethnic Interaction in Zakamye // Ethnographic Review. 2010(6). 35 — 53. (In Russ.)
17. Kappeler A. Russlands erste Nationalitäten. Das Zarenreich und die Völker der Mittleren Wolga vom 16. bis 19. Jahrhunderts. Köln; Wien; München, 1982. 571 s. (In German.)

Статья поступила в редакцию 13.05.2025;
одобрена после рецензирования 20.05.2025; принята к публикации 21.05.2025

Информация об авторе:

Ягафова Екатерина Алексеевна, заведующий кафедрой философии, истории и теории мировой культуры и искусства Самарского государственного социально-педагогического университета

(443099, Россия, г. Самара, ул. М. Горького, 59), доктор исторических наук, профессор,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2784-8090>, yagafova@yandex.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received by the editors on 13.05.2025;
Approved after reviewing 20.05.2025; accepted for publication 21.05.2025

Information about the author:

Ekaterina A. Yagafova, Head of the Department of Philosophy, History and Theory of World Culture and Art at Samara State Social Pedagogical University

(59, M. Gorky St., Samara, Russia, 443099), doctor of Historical Sciences, Professor,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2784-8090>, yagafova@yandex.ru

Conflict of interests: the author declares that there no conflict of interests.

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья редакции 13.05.2025 ситнѐ;
рецензиленѐ хысҗан 20.05.2025 ырланӓ; 21.05.2025 пичете йышӓннӓ

Автор сӓнчен:

Ягафова Екатерина Алексеевна, Самар патшалӓх социо-педагогика университетчѐн философи, тѐнче культурипе ўнер историйѐпе теори кафедрин ертўси (443099, Раҗсей, Самар хули, М. Горький ур., 59), истори аслӓлӓхѐсен докторѐ, профессор,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2784-8090>, yagafova@yandex.ru

Пайталӓх конфликчѐ: автор пайталӓх конфликчѐ сӓжкине нѐлтерет.

Автор ал сҗрайӓн юлашки вариантне вуласа тухнӓ, ырланӓ.